

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В РОССИИ

Малинова Ольга Юрьевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия
omalinova@mail.ru

Миллер Алексей Ильич

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия;
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия
amiller@eu.spb.ru

Пахалюк Константин Александрович

УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России»,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия
kap1914@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются методологические вопросы изучения регионального измерения политики памяти в современной России. Обсуждаются принципы выделения изучаемых регионов, зависимость такого выделения от актуального административного деления, трудности разделения мнемонических акторов на общефедеральных и локальных, а также репертуар актуального прошлого в различных регионах, и факторы, определяющие его специфику.

Ключевые слова: политика памяти, Россия, регионы, воображаемая география, мнемонические акторы, актуальное прошлое.

Цитирование: Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 112–136. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136 / Malinova O.Yu., Miller A.I., Pakhalyuk K.A. Regional Aspects of Memory Politics in Russia, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 2. Pp. 112–136. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136.

© Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А., 2022

REGIONAL ASPECTS OF MEMORY POLITICS IN RUSSIA

Malinova Olga Yu.

National Research University "Higher School of Economics";
Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
omalinova@mail.ru

Miller Alexey I.

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia;
Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
amiller@eu.spb.ru

Pakhalyuk Konstantin A.

Center "New Russia. The history of post-Soviet Russia",
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
kap1914@yandex.ru

Abstract. The article discusses some methodological questions of research of regional dimension of memory politics in Russia. Principles of framing the studied regions, dependency on current administrative map in framing regions for research, inadequacy of classification of mnemonic actors as federal and local, factors which determine specific features of repertoire of usable past in various regions are discussed.

Keywords: politics of memory, Russia, regions, imagined geography, mnemonic actors, usable past.

Интерес исследователей к политике памяти в России сильно вырос в последние 15 лет, что совпало и со значительными изменениями в политике памяти, и возрастанием ее интенсивности. Причем каузальная связь между этими явлениями не односторонняя. Отчасти, исследования политики памяти способствовали лучшему пониманию механизмов функционирования этой сферы у политиков и администраторов, или, во всяком случае, их возросшему вниманию к этим вопросам. Как следствие, они способствовали той интенсификации и росту значимости политики памяти в общей повестке, которая и снабжает исследователей все более обширным новым материалом.

Это сопровождалось интенсивным обогащением методологического инструментария изучения этой проблематики. Одно из важных изменений в оптике исследователей было связано в последние годы со сдвигом внимания от нарративов и мест памяти, а точнее сказать, с дополнением внимания к этим аспектам темы фокусом на мнемонических акторах и их взаимодействиях [Feind, 2014; Методологические вопросы..., 2018; Миллер, 2020]. Логичным следствием такой коррекции перспективы стал все возрастающий интерес к локальному и региональному измерению политики памяти в России, а также к взаимовлияниям и взаимодействиям общедеревальных и локальных акторов.

Почти каждое понятие, использованное в предыдущей фразе, влечет за собой целый ряд методологических и терминологических вопросов. Как определять локальное и региональное, можно ли просто положиться в этом вопросе на существующее административное деление, или регионы как единицы исследования не должны, по крайней мере, не всегда должны, совпадать с регионами-субъектами Федерации? Если не всегда, то как определять границы изучаемых регионов, чем мы должны при этом руководствоваться, как та или иная наша воображаемая география может повлиять на программу исследования и его результаты? Как провести грань между общедеревальными и локальными акторами, всегда ли это вообще возможно, какие интерфейсы их связывают, как изучать структуру их взаимодействия? Можем ли мы говорить о формальных и неформальных сетях мнемонических акторов, в которых понятия локального и общедеревального размываются¹? Как соотносятся общегосударственный и местные нарративы, какова динамика их взаимодействия, с учетом принятия федерального историко-культурного стандарта и других мер, интенсивно влияющих в последние годы на эту сферу? Какую роль играет в политике памяти этничность, связанные с ней акторы и институты — как официальные, включая автономные республики и округа, каковых в РФ сегодня 26, так и неофициальные, действующие в среде этнических сообществ? Как в разных регионах мобилизуются (или не мобилизуются) различные темы и периоды прошлого, какова «глубина» памяти у разных

¹ Например, как описать сеть организаций «Мемориала» (НКО, признанная в России выполняющей функции иностранного агента), включающую несколько десятков локальных «Мемориалов», имеющих статус самостоятельных юридических лиц? Или как описать сеть ветеранских организаций, играющих большую роль как мнемонические акторы на местах и при этом имеющую общедеревальные структуры? Или как описать сеть парков «Россия — моя история», имеющих московскую дирекцию, но пользующихся с определенного времени широкой автономией?

групп в разных обстоятельствах? Какие местные акторы и институты должны быть включены в программу исследования? Наша статья, прежде всего, ставит задачу эксплицировать эти методологические и терминологические вопросы, и предложить некоторые решения, сформулированные нами в ходе работы над большим проектом о политике памяти в России¹. Мы надеемся, что это будет полезно для многих исследователей, занимающихся данной проблематикой у нас в стране.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПОИСКЕ МАСШТАБА И ПАРАДИГМЫ

Среди методологических вопросов, связанных с изучением политического использования прошлого, один из самых сложных – вопрос «масштабирования» политики памяти в процессе ее функционирования и изучения. Многообразие подходов к этой проблеме в *memory studies* почти безгранично, различаются основания для ее решения у разных исследователей, нет даже устоявшейся терминологии для их описания².

Говоря о макро-масштабе, сегодня часто имеют в виду «глобальную память» или память в масштабе макрорегионов, включающих ряд стран, например, «европейская память», «память Центральной и Восточной Европы» (или «посткоммунистической Европы»), Кавказа, Балкан. Границы, названия, семантическая нагруженность таких макрорегионов отличаются у разных исследователей и в разных контекстах. Ясно, что мы имеем дело с «воображаемой географией», «ментальными картами» и когда говорим о макрорегионах, и когда речь идет о «глобальном» масштабе, потому что в этом случае все равно за понятием «глобальный» неизменно скрывается избирательность, что-то (и кто-то) непременно выпадает из поля зрения как «неважное».

Кажется, «волонтаризм» этой ситуации преодолевается при переходе к наиболее привычному масштабу – «национальной памяти», то есть памяти, доминирующей в масштабе государства, которое это доминирование и обеспечивает. Такой масштаб преобладает, в том числе, в знаменитом проекте «Места памяти» Пьера Нора и его «репликах», созданных на материале других стран. Такой масштаб находится

¹ В состав постоянных участников семинара, организованного в Центре исследований культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, где обсуждались эти вопросы, вошли, кроме авторов этой статьи, участники проекта РФФ «Комплексное сравнительное исследование политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий», законченного в 2021 г., А. Воронович, Д. Ефременко, В. Лапин, А. Плеханов, А. и А. Павловские, Д. Хлевнюк, а также Е. Кричко. Коллективная монография, которая отразит результаты этого первого этапа реализации проекта изучения регионального измерения политики памяти в России, выйдет в начале 2023 г. В работе над проектом к моменту написания этой статьи проведено около 100 полуструктурированных экспертных интервью. В ссылках на интервью указывается номер региона (используется общероссийский классификатор административно-территориального деления объектов – ОКАТО), который представляет эксперт, и порядковый номер эксперта (в каждом исследуемом регионе бралось три и более интервью).

² И это неудивительно, ведь определение «региона» – предмет долгих дискуссий даже в регионоведении [Paasi, 2004; Китинг, 2003]. Отметим, что в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. историки столкнулись со схожими проблемами, связанными с недостаточной проработкой понятия «регион» и недостаточной рефлексией относительно воображаемой географии и ментальных карт [Шенк, 2001; Миллер, 2001; Miller, 2004].

в центре нашего внимания, когда мы изучаем обращение к прошлому в речах первых лиц государства, памятные даты государственного календаря, государственные школьные учебники, мемориальные комплексы и музеи государственного подчинения, спонсируемую государством культурную продукцию и все, что формирует национальный нарратив.

Россия обладает характеристиками, которые существенно отличают ее от многих других стран, когда речь заходит о «национальной памяти» и «национальных памятных нарративах». Во-первых, Россия унаследовала от советского времени такие формы институционализированного многообразия, что было бы сильным упрощением описать ее как «национальное государство». Институционализация и территориализация этничности, свойственная советской национальной политике, оставила большое и устойчивое наследие. Говоря о национальном нарративе, мы отмечаем, как главную его особенность, что за ним стоят возможности государства. Но национальные автономные республики имеют свои исторические нарративы, к которым они относятся как к национальным, и оказывают им поддержку (квази)государственными ресурсами, находящимися в их распоряжении. Следовательно, мы можем говорить о многообразии сочетания общегосударственного исторического нарратива с нарративами не только этнических групп как таковых, но и этнических групп, представители которых контролируют ресурсы и институты автономных республик, в которых они выступают как «титовые нации».

Во-вторых, Россия самая большая по площади страна на планете. Строго говоря, невозможно представить себе человека, который бы «видел» Россию как целостную картину, в которой сочетается взаимодействие федеральных и локальных мнемонических акторов. Страна настолько велика и разнообразна даже безотносительно к любой политике, что фокус исключительно на «национальной памяти» в России оставляет вне поля зрения исследователя намного больше, чем если речь идет даже о любом крупном и сложносоставном европейском государстве, будь то Испания, Германия, Италия или Франция.

Это подводит нас к другому полюсу на шкале масштабирования исследований памяти, которому уделяется все больше внимания в последние годы, и который можно условно обозначить как локальный или *микро-масштаб*. Здесь мы имеем дело с эффектом «матрешки». В качестве объекта исследования может выступать субъект Федерации с областной, краевой или республиканской администрацией, но он неизменно включает в себя ряд городов и более мелких населенных пунктов с их муниципальными властями. На этом уровне в фокусе внимания оказываются, как правило, взаимодействия местных акторов, которые описываются как «региональные», «локальные», или «групповые» — областных или муниципальных администраций, мобилизованных этнических сообществ, групп активистов и НПО.

Эти акторы, как уже было показано выше, зачастую находятся в сложных отношениях между собой и вступают при этом в диалог, торг, в результате чего формируются структурные взаимосвязи с общегосударственными структурами и другими

мнемоническими акторами за пределами региона. Классификация акторов как региональных, локальных или федеральных часто излишне упрощает дело.

С другой стороны, там, где государство видит существенный потенциал локальных структур, оно стремится создать центральный орган для их контроля. Пример — наличие специального подразделения АП РФ по делам казачества. Весьма вероятно, что АП РФ опосредованно контролирует и созданный в знаковом 2014 г. «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья», который стремится вовлечь нереестровых казаков.

Другой пример из сферы взаимодействия центра и локальных акторов — приобретающая все большее значение система президентских грантов для реализации различных проектов. Политика памяти занимает в «меню» АП весьма существенное место. Как отмечают многие эксперты, локальные акторы все больше выстраивают свою деятельность и ее репрезентацию в расчете на то, чтобы получить президентские гранты, которые важны не только с финансовой точки зрения, но и дают локальным акторам престиж и легитимацию в глазах местных властей.

Микро-масштаб изучения политики памяти весьма плодотворен, он позволяет увидеть массу подробностей, остающихся в тени при фокусе на общенациональном уровне. Именно здесь полнее раскрываются возможности акторно-ориентированного подхода. Но у микро-масштаба есть и существенные ограничения. Он сужает контекст и, как правило, не включает в число приоритетов сравнительный подход, рассматривая каждый случай через подчеркивание его особенности.

Если задачей исследования ставится представить ландшафт политики памяти в России в целом с учетом наиболее важных региональных особенностей (а мы ставим именно такую задачу), то очевидно, что нельзя пойти путем простого сложения мозаики из 85 отдельных исследований, посвященных каждому из субъектов Федерации в отдельности. Взаимосвязи и взаимовлияния регионов выпадают из фокуса исследования, если оно спланировано таким образом. В целом, необходимо найти некий промежуточный масштаб между национальным и локальным, который позволит полнее изучить процессы взаимодействия мнемонических акторов разного масштаба.

Эти два полюса масштабирования, общенациональный и локальный (в смысле фокуса на отдельном субъекте Федерации или более мелких пространствах взаимодействия), необходимо дополнить «*мезо-уровнем*», когда в фокусе внимания оказываются кластеры, состоящие из нескольких регионов. Мезо-масштабирование отчасти преодолевает тотальную зависимость от официального административного деления — границы страны и субъектов Федерации при таком подходе, конечно, учитываются, но мы не определяем изучаемые кластеры, например, границами федеральных округов.

Выделение тех или иных кластеров становится при этом непростой и творческой задачей. Стратегии формирования кластеров учитывают целый ряд факторов, в том числе географическую близость регионов, сходство их исторического опыта, сравнимость и взаимосвязанность их повестки в сфере политики памяти. При этом

меняя границы и состав такого «мезо-региона», включая в него разные субъекты Федерации, мы задаем исследованию разные приоритеты и перспективы.

Возьмем в качестве примера регионы юга России¹. Можно выделить в особый кластер те регионы, в которых большое внимание уделяется в политике памяти казачьей проблематике – Краснодарский, Ставропольский края, Ростовскую и Волгоградскую области. В рамках такого кластера на первый план выходит тема рассказывания в ходе Гражданской войны. Общим для этих регионов является опыт боевых действий и оккупации в ходе Великой Отечественной войны. Пересечение темы Великой Отечественной войны и темы казачества создает в так определенном мезо-регионе сходные проблемы для политики памяти. Но стоит нам расширить кластер регионов, включив в него республики Северного Кавказа, на первый план выйдет тема памяти Кавказской войны и роли в ней казачества, которая для Ростовской и Волгоградской области достаточно периферийна. Этот механизм будет работать и в других случаях, когда от решения, какие субъекты Федерации включить в изучаемый в данном случае регион будет зависеть и то, какие темы политики памяти выйдут в этом исследовании на первый план, какие сравнения будут актуализироваться в рамках этого исследования.

При принятии решений о формировании кластеров регионов важным критерием неизменно является история, время и механизмы включения данной территории в состав России, то, как население региона было затронуто наиболее драматичными событиями – войнами, вынужденными миграциями. Мы также должны учитывать, что границы многих регионов и их статус существенно менялись в советский и в постсоветский периоды, и это нередко является важной составляющей современной политики памяти. С другой стороны, часто можно наблюдать, как относительно недавно созданные административные образования создают собственную многовековую историческую традицию.

Понятно, что центральные области, вошедшие в состав Московского государства в рамках процесса, называемого в учебниках «собираем земель» вокруг Москвы, имеют во многом схожий набор исторического наследия, опыта, близки по размерам и относительной этнической однородности населения. Что не отменяет специфику, связанную с наличием / отсутствием опыта оккупации в годы Великой Отечественной войны или относительно долгого пребывания в составе других государств в более далеком прошлом. Крайние регионы имеют свою специфику, определенную историей включения в состав империи, особенностями демографической ситуации и ее динамики в прошлом и настоящем. В политике памяти центральной власти эти различия, конечно, учитываются – достаточно посмотреть на карту размещения уже открытых парков «Россия – моя история», чтобы увидеть, что в центральных регионах, кроме Москвы, есть только парк в Нижнем Новгороде

¹ Следует отметить, что мезо-масштабирование уже используется в некоторых важных проектах, посвященных политике памяти. Пример такого проекта – «Войны и население юга России в XVIII–начале XXI в.: история, демография, антропология» под руководством Е.Ф. Кричко.

(еще один начали строить в Пскове после назначения местным митрополитом инициатора проекта парков о. Тихона (Шевкунова)), а подавляющее большинство из 23-х парков открыты в периферийных регионах, где федеральный центр видит больше вызовов для государственной политики памяти.

Мы отмечаем, что прошлое и политика памяти влияют на то, как выстраиваются кластеры, но верно и то, что, сформировав кластер определенным образом, мы «подсвечиваем», акцентируем значение одних элементов в прошлом и в политике памяти, и снижаем значение других. Этот сложный механизм взаимовлияния, став предметом методологической рефлексии, может открыть нам новые, эвристически весьма плодотворные перспективы и способы сравнительного анализа, который осуществляется и между регионами, включенными в один кластер, и между кластерами в целом.

Помимо сравнения, такой подход позволяет увидеть взаимовлияние соседних регионов, то есть включить перспективу взаимосвязанных процессов и трансферов. Этот подход позволяет поставить в центр внимания ту проблематику, которая остается за пределами нашего рассмотрения, если мы фокусируем свое внимание на сугубо локальных сюжетах, или на проблеме взаимодействия региональных акторов с центром.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ АКТОРЫ

Прояснение особенностей взаимодействий федерального центра и регионов в области политики памяти вызывает ряд методологических трудностей, поскольку оба уровня не так просто отделить друг от друга. Производство «общефедерального» невозможно без его локализации «на местах», а изучение особенностей коммуникации по линии «центр – регион» требует инсайдерской информации. Равным образом «борьба за интерпретации» (конкуренция нарративов) является формой, посредством которой могут решаться совершенно разные задачи – от вопросов политической легитимности и обеспечения территориальной целостности страны до расширения государственного финансирования, повышения туристической привлекательности, стимулирования экономической активности, решения социальных проблем.

Другая проблема заключается в сложности выделения формальных критериев, позволяющих разграничивать федеральных и региональных акторов. Например, для музеев не всегда работает ведомственная принадлежность (так, Владимиро-Суздальский музей-заповедник, как и Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, посвящены региональным сюжетам, однако находятся в подчинении федерального министерства культуры) и территориальное расположение: по содержанию экспозиций к региональным музеям сложно отнести Калужский музей космонавтики (впрочем, как и петербургский Эрмитаж или екатеринбургский Ельцин-Центр). Не меньшую сложность вызывают и те государственные, общественные и общественно-государственные организации, которые при наличии головного офиса в Москве имеют множество региональных

отделений / представительств, а потому не всегда очевидно, являются ли последние агентами реализации федеральной политики или, наоборот, преследуют прежде всего собственные интересы. Потому важно учитывать прагматику поведения: ставит ли тот или иной актер целью формирование общероссийской памяти (другой вопрос – насколько ему это удастся) или изначально ограничивается неким локальным регионом. На практике приходится фиксировать достаточно сложную сеть взаимодействия как между центром и субъектами Федерации, так и между самими регионами.

Начиная с середины 2000-х гг. по мере активизации политики памяти мы наблюдаем вполне осознанные усилия федерального центра по формированию «единого исторического пространства», которые, помимо удержания общероссийской медийной повестки, выражались в расширении набора институциональных и символических механизмов взаимодействия с регионами с тем, чтобы сделать его, «единое историческое пространство», стабильным, а производимый общенациональный нарратив – более «заземленным» и устойчивым. Перекос в сторону увеличения каналов взаимодействия, намеренное масштабирование отдельных практик (больше однотипных мероприятий, памятников и структур) и централизация распределения финансовых ресурсов – все это позволяет утверждать, что решение прагматических задач оттесняет на второй план производство культурных смыслов.

В поле зрения органов государственной власти в регионах прежде всего находятся вопросы охраны объектов культурного наследия и повышения туристической привлекательности вверенных им территорий, включая исторический кластер. Целый спектр различного рода федеральных программ, а также юбилейных комитетов (100-летие Первой мировой; 100-летие со дня рождения А. Солженицына и пр.) задают актуальную повестку, в которую каждый регион может постараться вписаться, в т. ч. и получить финансирование, причем уровень проектов разнится от отдельных выставок, книг и публичных мероприятий до создания музеев и масштабных проектов благоустройства. Регионам остается улавливать пожелания центра и вписываться в предлагаемую повестку, что затрудняет как актуализацию «сложного прошлого», включая любые потенциально конфликтные вопросы, так и продвижение самостоятельной повестки. По сути это является частным проявлением ключевой особенности построения вертикали власти: концентрация финансовых ресурсов в центре приводит к конкуренции региональных правительств за их распределение, а сами они подобным образом выстраивают отношения с муниципалитетами. Сама система заставляет оставлять в стороне то, что может вызвать конфликт или недопонимание, а потому помешать достижению прагматических целей.

Нарастающая практика присутствия федерального центра в регионах связана с реализацией крупных мемориальных проектов, которые по задумке властей призваны стать общенациональными символами. В 2010-е гг. также наметилась тенденция (пере)подчинения местных музеев федеральным, находящимся в Москве. Важная роль принадлежит *координирующим комиссиям*, которые формируются

к той или иной юбилейной дате. Прообразом является постоянно действующий Российский организационный комитет «Победа». На основании указа или распоряжения президента формируется рабочая группа из представителей различных федеральных ведомств и заинтересованных организаций, куратором выступает высокопоставленный «чиновник-тяжеловес». Делается рассылка по государственным, муниципальным органам власти, учреждениям культуры, архивам, университетам и прочим бюджетным организациям с просьбой предоставить возможные мероприятия в общий план, который, с одной стороны, по мере сведения одновременно символически фиксирует «единство усилий» (точнее – синхронность), повышает символическую значимость конкретных локальных мероприятий, а с другой – обеспечивает механизм контроля за заявленными предложениями, стимулируя региональных чиновников выполнять взятые на себя обязательства. В полной мере сложно оценить эффективность подобных механизмов ввиду отсутствия открытых данных о результатах, однако уже тот факт, что по итогам 2014 г. почти в каждом регионе появился некий сборник документов или книга про участие этого региона в Первой мировой войне уже свидетельствует об осязаемых плодах этой деятельности.

Еще один способ взаимодействия, лишь только с первого взгляда близкий к описанному выше, заключается в праздновании *юбилеев основания городов и республик*, когда значимость признается указом президента и федеральный центр выделяет значительное финансирование на инфраструктурное и экономическое развитие, включая историческое наследие.

Наиболее последовательно историческая унификация продвинулась в сфере среднего образования: после введения в конце 2000-х гг. Единого государственного экзамена по истории России неизбежной стала выработка единого стандарта преподавания этого предмета. Идея единого учебника среди прочих была высказана и В.В. Путиным 19 февраля 2013 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям, и отражала, среди прочего, обеспокоенность содержанием региональных учебников в автономиях. Спротивление широкой общественности идее «единого учебника истории» заставило ограничиться введением Историко-культурным стандартом, разработанным с 2012 г. под эгидой Минобрнауки, Российского исторического общества и Российской академии наук (т. е. федеральных акторов и преимущественно московских историков). С 2015 г. все учебники и контрольно-измерительные материалы должны ориентироваться исключительно на него. Это привело к некоторой стандартизации образования и сокращению количества официально одобренных учебников: если в 2013/2014 учебного году их было 235, то в 2014 г. осталось 65 (ввиду новых стандартов образования), а после введения ИКС – 45, увеличившись к концу 2020 г. до 69 [Гагкуев, 2021].

Другой важный механизм – формирование «почетных исторических перечней» – присвоение Президентом отдельным городам почетных званий Города воинской славы (с 2007 г.) и Города трудовой доблести (с 2020 г.). Это предполагает систему намеренно и отчасти искусственно создаваемой конкуренции регионов (а

точнее – органов исполнительной власти) перед федеральным центром в признании «своих» заслуг, вернее, значимости каких-то событий на их территории. В случае успеха полученный статус выражается в соответствующих упоминаниях на официальных мероприятиях, строительстве стелы Города воинской славы / Города трудовой доблести с высеченным президентским указом и барельефами, отражающими славные страницы прошлого (здесь уже региональные элиты имеют простор для отбора локального материала), а также в участии в межрегиональных патриотических проектах под эгидой Союза городов воинской славы (<https://srgvs.ru/>)¹.

Куда более «сильный» способ координирования предлагают федеральные акторы исторической политики, создающие сеть региональных отделений и тем самым – механизмы лоббирования местных интересов перед центром и структурирования местной повестки под видение центра. Речь прежде всего о Российском историческом обществе и Российском военно-историческом обществе. Опора на научную общественность, с одной стороны, позволяет местную научную и просветительскую активность маркировать логотипом РИО, а с другой – дает возможность местным научным кругам лоббировать собственные интересы. В частности, с РИО теснейшим образом аффилирован фонд «История Отечества», который ежегодно распределяет гранты физическим и юридическим лицам на издание научных и научно-популярных книг, а также проведение конференций. В июле 2021 г. Общество получило право выступать посредником между региональными научными кругами и Министерством науки и высшего образования: распоряжением министра ему присвоили статус «центра ответственности по планированию и формированию контрольных цифр приема по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки по истории и археологии» [Нарышкин, 2021]. За этой тяжеловесно-бюрократической формулировкой скрывается вполне значимые полномочия влиять на то, сколько бюджетных мест получают региональные вузы на подготовку будущих историков. РВИО в большей степени опирается в регионах на представителей общественности, бизнеса и политических элит [Лапин, 2020], которые могли бы собственные проекты репрезентировать в качестве мероприятий Общества и по мере возможности использовать дополнительный официозный статус – статус председателей региональных отделений – в качестве продвижения собственных интересов.

Если ключевые мероприятия, которые поддерживает РИО, это региональные научные конференции, видеофильмы и книгоиздание, то РВИО ориентируется на проведение в регионах военно-исторических лагерей, со-финансирование реконструкторских фестивалей (в условиях пандемии 2020–2021 гг. это направление «просело»), а также нескольких крупных научно-практических конференций в Москве с приглашением ученых и учителей истории из регионов. РВИО наиболее известно широко развернутой военно-мемориальной деятельностью, которая нередко вызывает

¹ Все это сложно квалифицировать как политику памяти, если под нею понимать производство региональных идентичностей и культурных смыслов – перед нами имитация в форме бюрократической игры за право особой сопричастности к героической славе Отечества.

споры и широкие дискуссии. Так, с 2013 по май 2021 г. усилиями федеральной исполнительной дирекции установлены 272 памятника (включая мемориальные стелы, аллеи и бюсты), из них 20 – за рубежом. Стоит отметить, что все эти памятники установлены силами федеральной исполнительной дирекции, а потому могут рассматриваться как активность федерального актора в регионах.

Если РИО и РВИО выстраивают отношения с узко-сегментированным кругом региональных игроков на поле «актуальной истории», то третий федеральный актор, *Фонд президентских грантов*, ориентирован на *поддержку совершенно разных местных инициатив*. С 2017 г. он дважды в год выделяет средства по 13 направлениям, одно из которых так и называется «Сохранение исторической памяти». Отбор проектов осуществляется через независимую экспертизу, региональные власти не имеют на нее прямого влияния. Естественно, многое зависит как от качества заявок, так и от степени конкуренции. К сожалению, сайт ФПГ не публикует ни подробную документацию, ни материалы экспертизы, ограничиваясь краткими сведениями о заявках, победителях и суммах финансирования. Отсутствие детализированных смет делает невозможным полноценный анализ деятельности этого мнемонического игрока, однако открытые данные все же позволяют сделать выводы о том, кто в основном получает средства и какие темы стали приоритетными. Так, в центральных регионах ФПГ отдавал предпочтение проектам военной исторической или церковной направленности, связанным с событиями Великой Отечественной войны или более ранними вооруженными конфликтами. С точки зрения локализации поддержку получали те мероприятия, проведение которых имело либо общерегиональный, либо локально-муниципальный характер, а не ограничивалось только региональными столицами. Ключевые получатели грантов – региональные (а не региональные отделения общероссийских) организации, однако большая часть организаций не является, судя по названию и основным видам деятельности, профильными участниками политики памяти (профессиональные союзы, различные патриотические структуры), а потому само направление «историческая память» во много свелось к военно-патриотической деятельности. Это отражает яркую особенность государственной политики в сфере истории – воспринимать тему исторической памяти как направление патриотического воспитания. Такая политика ФПГ влияет на тактику и тематику работы различных НПО, для которых получение президентского гранта является не только вопросом финансирования, но и вопросом легитимации в глазах местных властей.

В 2010-е гг. празднование *Дня Победы* стало принимать все более масштабный характер и превращаться в гражданский культ, что отчасти определено *формированием нескольких федеральных акторов*, аффилированных с государством и призванных *масштабировать в региональном измерении однотипные мероприятия*: «Волонтеры Победы» (с 2015 г., проведение акций с привлечением активистов из молодежной среды), движение «Бессмертный полк» (фактически с 2014 г., организация одноименных маршей во взаимодействии с официальными структурами), «Поисковое движение России» (с 2013 г., зонтичная организация по поддержке

поисковых отрядов). В 2019 г. совместно с Администрацией президента и Следственным комитетом «Поисковое движение России» инициировало проект «Без срока давности», посвященный теме нацистских преступлений на территории СССР, что позволяет дополнить доминирующую героико-патриотическую интерпретацию Великой Отечественной войны трагической составляющей («советский народ» не только победитель, но и «ключевая жертва»). Содержательно эта деятельность выражается в проведении серии экспедиций на местах расстрелов, в публикации малоизвестных и неизученных в полной мере комплексов документов (как на специализированном сайте [Без срока давности], так и в виде книжных изданий), а также в поддержке тематических исследований и организации научных дискуссий, что способствует развитию межрегиональных связей историков. На символическом уровне все это должно поддержать общий тезис о «геноциде советского народа» [Суд впервые признал геноцид..., 2020].

Таким образом, мы можем сделать ряд промежуточных выводов относительно того, каким образом государственная политика памяти, реализуемая на общенациональном уровне, ищет точки соприкосновения с регионами. Несомненно, за последние 10 лет был проделан большой путь по углублению ее связности, развитию сетевых (а не жестко-иерархических) методов работы, однако акцент делался на диверсификации механизмов, количественном расширении (больше памятников, поисковых экспедиций и пр.), но вовсе не на идейном развитии и возвращении новых подходов к мемориальной культуре с учетом вызовов XXI в. Формируемое «историческое единство», периодически сбиваемое к однообразию, на проверку оказывается пористым: практически ни один механизм не обеспечивает равное включение регионов в федеральную повестку.

Тот факт, что выше мы писали именно о государстве и связанных с ним организациях, не должен удивлять: это является отражением более общей тенденции по огосударствлению различных сфер жизни российского общества и нарастанию рентных отношений. Получение средств на свои проекты за счет причастности к федеральным государственным организациям или инициативам — тоже разновидность ренты. Потому борьба нарративов и конфликтные сюжеты вытесняются на периферию, а поскольку федеральный центр интересуется узким набором сюжетов, то и реальная форма — это масштабирование и синхронизация, а не смысловое развитие.

В этом плане схожим образом действует и РПЦ, пожалуй, самый влиятельный негосударственный, но также приближенный к нему федеральный игрок на поле «актуальной истории». Помимо масштабирования храмов и памятников общенациональным святым (более 60 памятников Петру и Февронии; десятки храмов Александру Невскому), она активно включается в формирование региональных идентичностей и имеет карт-бланш на увековечение жертв политических репрессий (на начало 2020-х гг. в честь новомучеников освящено 166 храмов). Эти темы в федеральном центре воспринимаются в качестве «опасных», поскольку сильные региональные идентичности видятся идеологической основой сепаратизма, а сохранение памяти

о репрессированных неизбежно ведет к постановке вопроса о формах политической ответственности. В обоих случаях РПЦ предлагает те интерпретации, которые сглаживают потенциальные конфликты, а тему репрессий «политически санирует» (невинно убитые предстают искупительными жертвами за предыдущие преступления, а вопрос ответственности государства переводится в пространство метафизики и посмертного Божьего суда [Еремеева, 2021]), параллельно «взамен» получая серьезную политическую поддержку в виде реституции церковной собственности и финансирования на новые историко-мемориальные проекты. Особый интерес здесь представляет изначально связанная с церковными структурами система парков «Россия – моя история», число которых уже достигло 24-х. В них каждый из одиннадцати обязательных залов помимо общего, для всех одинакового нарратива содержит местные интеграции, отражающие специфику истории, культуры и этнического состава региона, в котором парк расположен.

РЕПЕРТУАР ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Политика памяти, как публичная деятельность, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом, оперирует хотя и широким, но все же ограниченным репертуаром исторических событий, фигур и символов. Его можно назвать *актуальным* или *актуализированным прошлым* (usable past). Это то прошлое, которое «не забыто», не в последнюю очередь благодаря тому, что закреплено в *социально-культурной инфраструктуре памяти* (праздниках, памятниках, музеях и мемориалах, топонимии, фильмах, художественной литературе, песнях и проч.) [Irwin-Zarecka, 1994; Etkind, 2004; Эткинд, 2016]. Формирование и развитие этой инфраструктуры является важной составляющей политики памяти, а ее использование тесно связано с *коммеморацией* исторических событий и фигур – публичными актами их вспоминания и увековечивания. Таковые, как правило, увязаны с календарем и происходят либо в годовщину (нередко выбранную условно), либо по случаю юбилея исторического события. Коммеморация может быть актом как торжества, празднования, так и скорби, памятования умерших¹. Очевидно, что не всякое прошлое актуализировано в практиках коммеморации и социально-культурной инфраструктуре памяти. Наиболее удобным для политического использования оказывается то, что «памятно» и при этом может быть наделено значимыми для современного контекста смыслами. «Памятно» же прежде всего то, что опирается на солидную инфраструктуру и/или подкреплено опытом еще живых поколений. Особую категорию составляет *табуированное*, принудительно забытое прошлое: будучи актуальным для отдельных групп, являющихся носителями живой социальной памяти, оно конфликтует с доминирующей интерпретацией прошлого². Попытки добиться снятия гласных или негласных запретов на публичную артикуляцию такой памяти могут сделать табуированное прошлое важной частью

¹ О формах коммеморации и разных подходах к их изучению см.: [Малинова, 2017].

² О разных форматах социальной забывчивости см.: [Поцелуев, 2020].

репертуара политики памяти. Таким образом, конфигурация последнего определяется, с одной стороны, действиями мнемонических акторов, продвигающих определенные версии памяти об определенных эпизодах прошлого (разумеется, с разными ресурсами), а с другой стороны – от инфраструктуры памяти, сформированной усилиями их предшественников.

Преыдушие исследования показали, что на федеральном уровне репертуар актуального прошлого имеет весьма неравномерную структуру. Хотя нарратив о «тысячелетней России», предполагавший работу с прошлым в долгой исторической перспективе, пришел на смену ельцинскому историческому нарративу о «новой России» еще в начале 2000-х гг. [Smith, 2002; Малинова, 2015; Малинова, 2016; Malinova, 2018], созданием социально-культурной инфраструктуры, поддерживающей эту конструкцию, властвующая элита стала более или менее систематически заниматься лишь в 2010-х гг.¹ При этом путинская политика памяти была преимущественно сосредоточена на «славном прошлом», повышающем самооценку нации [Миллер, 2014; Kharaeva, 2009]. Работа с «трудным прошлым», начавшаяся в конце 1980-х гг. и с переменным успехом продолжавшаяся в 1990-х гг. [Миллер, 2012; Sherlock, 2007; Kaplan, 2009], в 2000-х гг. претерпевала серьезные и неоднозначные изменения как в составе акторов и их удельном весе, так и в подходах [Копосов, 2011; Sherlock, 2016; Bogumil, 2015].

Вместе с тем, в результате активизации официальной политики памяти в 2010-х гг. произошло некоторое расширение актуального репертуара дореволюционного прошлого за счет Первой мировой войны и пополнения пантеона почитаемых исторических фигур [Колоницкий, 2017; Малинова, 2019; Липман, 2021; Пахалюк, 2021].

Практически у каждого региона репертуар актуального прошлого имеет некие отличительные особенности. Вместе с тем можно выделить типы исторических событий, которые чаще всего становятся предметами коммеморации и политического использования на региональном уровне².

Подобно тому, как федеральная политика памяти ставит во главу угла историю государства, региональные коммеморативные практики в значительной мере сосредоточены на вопросах *территориально-политической субъектности*. С особым размахом отмечаются круглые даты вхождения региона в состав Российского государства, его образования в качестве самостоятельной административной единицы, основания входящих в его состав городов (особенно столичных). Такие юбилеи дают возможность подчеркнуть особость и символическую значимость региона. Именно круглые даты политико-административной истории субъектов РФ были наиболее частными поводами для памятных речей президентов В.В. Путина

¹ Пожалуй, наиболее заметным исключением стало учреждение нового государственного праздника, Дня народного единства, в 2004 г. Однако по-видимому это было не самое удачное решение [Ефремова, 2012; Omelicheva, 2017].

² Наши наблюдения отчасти совпадают с типологией «культурных героев», используемых для конструирования региональных идентичностей [Бедерсон, 2015].

и Д.А. Медведева, посвященных досоветскому прошлому [Малинова, 2015, с. 165]. С участием главы государства в 2003 г. праздновалось 300-летие Санкт-Петербурга, в 2005 г. – 1000-летие Казани и 750-летие «города Калининграда», в 2007 г. – 450-летие вхождения Башкирии в состав России и 860 лет «со дня основания Москвы» (в 2017 г. Путин участвовал в праздновании 870-летия Москвы, а в 2019 и 2020 г. поздравлял москвичей с днем города), в 2009 г. – 1150-летие Великого Новгорода, в 2010 г. – 150-летие Владивостока и 1000-летие Ярославля, в 2012 г. – 1000-летие «единения мордовского народа с народами Российского государства», в 2014 г. – 100-летие «единения Тывы и России», в 2015 г. – 2000-летие Дербента, кроме того, начиная с 2015 г. отмечаются годовщины «воссоединения Крыма и Севастополя с Россией» [Президент России]. Круглые даты такого рода дают региональными элитами удобную возможность привлечь внимание к своим регионам и получить дополнительные финансовые и символические ресурсы. Можно сказать, что на субнациональном уровне официальные политики памяти во многом воспроизводят фокус на историю государственного строительства, характерный для государств эры наций и национализмов.

Особую категорию коммеморируемого прошлого составляют события, связанные с историей титульных народов. Это могут быть как акты торжества (например, День черкесского флага – 25 апреля), так и акты скорби (например, День памяти жертв Кавказской войны – 21 мая, день депортации карачаевского народа – 2 мая). Дело не только в том, что набор тем актуализированного прошлого и интенсивность его переживания у этнических групп нередко существенно отличается по сравнению с памятью соседствующего с ним русского населения, но и глубина этого актуализированного прошлого у многих этнических групп оказывается заметно большей. Эти важные отличия в структуре памяти разных этнических групп должны стать одним из приоритетов при изучении региональных особенностей политики памяти.

Региональные политики памяти не пренебрегают *древним прошлым*. Там, где для этого имеется исторический материал (прежде всего, материальные объекты культурного наследия), создаются музеи, мемориальные комплексы и историко-культурные заповедники, призванные протянуть историю региона вглубь веков. Имеет место своего рода соревнование за древние корни. До присоединения Крыма, в составе которого есть Херсонес, официально самым древним городом на территории России считается Дербент; в 2015 г. с участием В. Путина отмечалось его 2000-летие. Однако есть немало мест, где обнаружены остатки более древних поселений. В Челябинской области есть историко-культурный комплекс Аркаим, созданный на месте укрепленного поселения бронзового века, возраст которого составляет около 4 тыс. лет. Данное поселение является частью древней культуры, получившей условное название «Страна городов». Аркаим является не только туристической достопримечательностью, но эффективным элементом нарративов о региональной идентичности. Раскопки гуннского городища поблизости от Улан-Удэ послужили основанием для попыток «удревнить» историю города, которую принято

вести от казачьего зимовья, построенного в 1666 г. для сбора ясака с местного тунгусского населения (Э-81-01).

В некоторых случаях древняя история региона выпадает из нарратива о «тысячелетнем российском государстве», ибо связана с другими государственными образованиями. Данное обстоятельство порой активно используется местными этнонационалистами. Ярким примером может служить Татарстан, где важной частью репертуара актуального прошлого выступает «память» о татарской государственности в формате Волжской Булгарии или Казанского ханства. Под Казанью создан Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, который позиционируется как «самый северный в мире памятник средневекового мусульманского зодчества, уникальный и единственный образец болгаро-татарской архитектуры середины XIII–XIV вв.» [Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник]. Другой, не столь политизированный пример – Бурятия, бывшая некогда провинцией империи Чингисхана.

Важную роль в «удревнении» истории места играет археология. Раскопки создают не только знание о материальной культуре отдаленного прошлого, но и потенциальные «места памяти». Находки археологов дают пищу для догадок, которые нередко подпитывают соперничающие нарративы регионального прошлого. Некоторые места раскопок превращаются в музейные комплексы (например, мемориализация гнездовских курганов Смоленской области). В Тульской области, наоборот, раскопки в поисках места Куликовской битвы, активизировавшиеся с 1980-х гг., привели к «обретению» средневековых поселений XII–XIII вв., а следовательно, «удревнили» сам регион. В силу ограниченности ресурсов создание таких комплексов становится возможным в результате сложных взаимодействий локальных мнемонических акторов, что делает данную тему значимой для региональной политики памяти.

Значимость историко-политических связей региона с центральной властью проявляется в повсеместной актуализации *событий, связанных с императорской семьей*. Особой мемориальной ценностью обладают объекты, связанные с визитами членов императорской семьи в регион. Во многих регионах имеются памятные доски, напоминающие о визитах членов монаршей семьи. Отдельной большой темой является увековечивание памяти об обстоятельствах гибели членов императорской семьи после революции. Поскольку ответственность за насильственную гибель царской семьи несет прежняя, советская власть, ничто не мешает региональным элитам использовать память об этих событиях, чтобы подчеркнуть значение вверенного их попечению места в общенациональной истории.

Это подводит нас к следующей категории актуального прошлого: в региональных политиках памяти акцент зачастую делается на тех *эпизодах общероссийского нарратива*, которые географически и символически *связаны с данным местом*. Так, в Иркутске важной темой является история декабристов, в которой акцентируется, с одной стороны, борьба с царским режимом и страдания «пламенных революционеров», несколько поколений которых отбывали здесь каторгу и ссылку, а с

другой – вклад ссыльных в культурное развитие Сибири. На Юге России любят подчеркивать роль казачества в различных событиях российской истории, от избрания на престол Михаила Романова до Первой мировой войны. Рассуждая об истории Урала, часто вспоминают строчку из стихотворения А. Твардовского: «Урал! Опорный край державы...». В этой логике описывается не только роль Урала в годы Великой Отечественной войны, но и история XVIII–XIX вв.

Фактор роли региона в событиях общероссийской истории особенно заметен в случае Великой Отечественной войны. Практики памятования этого центрального для российской политики памяти мегасобытия приобретают особый оттенок в местах, названия которых вписаны в летописи войны. Региональные мнемонические акты играют заметную роль в актуализации памяти о тех событиях войны, которые незаслуженно оказались «в тени» великих сражений – как в случае прорыва Миус-фронта или боев под Ржевом. Вместе с тем, очевидны региональные особенности памяти о войне на Урале и в Сибири, где был глубокий тыл. Недавняя инициатива по учреждению почетного звания «Город трудовой доблести», закрепленная федеральным законом в марте 2020 г. для увековечивания подвига труженников тыла, может оказаться особенно значимой именно для регионов на востоке от центра.

Наконец, важным элементом региональных репертуаров актуального прошлого являются известные в общероссийском масштабе *деятели культуры, имеющие отношение к данной территории* – родившиеся в этом месте, жившие в нем или просто его посещавшие. Так, в Иркутске считают своими «культурными героями» В. Распутина, Н. Зарубина, Е. Евтушенко, на Алтае почитают В. Шукшина, в Таганроге – А. Чехова, в Кавказских Минеральных водах хранят память о М.Ю. Лермонтове, как и о многочисленных деятелях культуры, посещавших этот курортный край.

Анализируя этот тематический репертуар, нетрудно увидеть параллели с каноном, типичным для наций-государств – тот же акцент на политическую историю, славное и героическое прошлое, а также культурных героев. Очевидно и стремление вписать историю региона в общероссийский нарратив, высвечивая при этом то, что составляет его особость. Вместе с тем события, не вполне вписывающиеся в этот нарратив или не отвечающие интерпретациям, которые кажутся идеологически «правильными», задвигаются в тень и нередко становятся узловыми точками мнемонических конфликтов.

Вместе с тем наиболее типичный формат репрезентации «тысячелетней истории» в региональных репертуарах – актуализация *дореволюционного прошлого* столичного города (реже – других мест) региона, нарратив о котором ведется либо от первых упоминаний в летописях, либо от момента колонизации. Дореволюционные корни региональных идентичностей областей центральной России, Урала и Сибири связаны преимущественно с русским/славянским доимперским и/или российским имперским прошлым; дороссийское прошлое «вспоминается» существенно реже. Иначе дело обстоит в «национальных» республиках: там культивируется особое

прошлое титульных этносов, но непременно в сопряжении с историей Российского государства.

Коммеморация дореволюционного прошлого нередко оказывается поводом для мнемонических конфликтов. В советское время инфраструктура памяти об имперском периоде была в значительной мере разрушена. Попытки восстановить исчезнувшие храмы, утвердить память о дореволюционном прошлом в названиях улиц и площадей, установить памятники историческим фигурам и событиям того периода нередко сталкиваются с сопротивлением со стороны тех, кто рассматривает подобные действия как покушение на «советскую эпоху». События и фигуры *советского периода* очевидно доминируют в репертуарах актуализированного прошлого как на федеральном, так и на региональном уровне, однако тематически сведены преимущественно к событиям Великой Отечественной войны или деятелями науки и культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный нами анализ позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, признавая важную роль, которую играют административные структуры в политике памяти, нельзя слепо следовать административному делению при определении «регионального» и «локального». «Федеральное» и «региональное» – это прежде всего категории, которые характерны для мышления самих мнемонических акторов, однако исследователь должен проблематизировать эти категории и их роль в политике памяти. Во-вторых, важно дополнить общенациональный и региональный масштаб мезо-региональным уровнем, позволяющим анализировать политику памяти в рамках кластеров, объединяющих несколько субъектов Федерации. В-третьих, деление мнемонических акторов на общенациональных, с одной стороны, и региональных или локальных, с другой, часто не работает. Нужно обратить специальное внимание на сети, которые связывают различных акторов и на механизмы их взаимодействия. Наконец, репертуар актуального прошлого в разных регионах, испытывая сильное влияние федеральной повестки, тем не менее существенно отличается. При этом весьма существенные отличия существуют и внутри регионов, если в них есть две и более этнические группы, будь то русские и не-русские (Татарстан, Адыгея, Ставропольский край, Бурятия и т. д.) или две не-русские группы (Кабардино-Балкария, Карачево-Черкессия).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бедерсон В.Д. В поисках героев: разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России // *Символическая политика. Вып. 3. Политические функции мифов*. Москва: ИНИОН РАН, 2015. С. 192–209.

Без срока давности. URL: <https://безсрокадавности.рф/> (дата обращения – 19 декабря 2021 г.).

Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. URL: <https://vbolgar.ru/> (дата обращения – 19 июня 2021 г.).

Гагкуев Р.Г. Учебники истории. Взгляд через Федеральный перечень учебников // *Преподавание военной истории в России и за рубежом*. Вып. 4. Под ред. К.А. Пахалюка. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. С. 7–27.

Еремеева С.А. Память. Поле битвы или поле жатвы? Москва: Дело, 2021. 358 с.

Ефремова В.Н. День народного единства: изобретение праздника // *Символическая политика*. Вып. 1: *Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. Москва: ИНИОН РАН, 2012. С. 286–300.

Китинг М. Новый регионализм в Европе // *Логос*. 2003. № 6. С. 67–116.

Колоницкий Б.И. Ресурсы культурной памяти и политика памяти о Первой мировой войне в России // *Cahiers du monde russe*. 2017. Т. 58. № 1–2. Рр. 1–23.

Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 315 с.

Лапин В.В. Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) как инструменты исторической политики первой четверти XXI века // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 74–95.

Липман М.А. Пантеон национальных героев как элемент символической политики. Монументальные практики постсоветской России // *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. Под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 38–64.

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва: РОССПЭН, 2015. 206 с.

Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 6. С. 139–158.

Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. 2017. № 4. С. 6–22.

Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив: Анализ российских практик // *Полития*. 2019. № 3. С. 103–126.

Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // *Новое литературное обозрение*. № 6. 2001. С. 18–33.

Миллер А.И. Политика памяти в России: Год разрушенных надежд // *Полития*. 2014. № 4(75). С. 49–57.

Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // *Историческая политика в XXI веке*. Под ред. А. Миллера, М. Липман. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328–367.

Миллер А.И. Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 8–25.

Методологические вопросы изучения политики памяти. Под ред. А. Миллера, Д. Ефременко. Москва: Нестор-История, 2018. С. 144–195.

Нарышкин С. Кого учит история. Высшее историческое образование в современных условиях: проблемы и перспективы // *Родина*. 2021. 2 авг. URL: <https://rg.ru/2021/08/01/naryshkin-celiu-istoricheskoy-nauki-iavliaetsia-poisk-pervoprichin-socialnyh-iavlenij.html> (дата обращения – 19 декабря 2021 г.).

Пахалюк К.А. Коммеморация 100-летия Первой мировой войны в России: политическое измерение // *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 81–107.

Поцелуев С.П. Социальная забывчивость как символический ресурс национальной мобилизации (концептуальный анализ) // *Политическая наука*. 2020. № 2. С. 42–63.

Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения – 19 декабря 2021 г.).

Суд впервые признал геноцид советского народа нацистами в Жестяной Горке // *Известия*. 2020. 27 окт. URL: <https://iz.ru/1079155/2020-10-27/sud-vpervye-priznal-genocid-sovetskogo-naroda-nacistami-v-zhestianoi-gorke> (дата обращения – 19 декабря 2021 г.).

Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней. Обзор литературы // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 52. С. 42–61.

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. С. 221–246.

Vogumil Z., Moran D., Harrowwell E. Sacred or Secular? “Memorial”, the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 19. № 67(9). Pp. 1416–1444.

Etkind A. Hard and Soft in Cultural Memory: Political Mourning in Russia and Germany // *Grey Room*. 2004. № 16. Pp. 36–59.

Feindt G. et al. Entangled memory: toward a third wave in memory studies // *History and Theory*. 2014. Т. 53. № 1. Pp. 24–44.

Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory. New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994. 228 p.

Kaplan V. The Vicissitudes of Socialism in Russian History Textbooks // *History & Memory*. 2009. Т. 21. № 2. Pp. 83–109.

Khapaeva D. Historical Memory in Post-Soviet Gothic Society // *Social Research*. 2009. Т. 76. № 1. Pp. 359–394.

Malinova O. Constructing the «Usable Past»: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia // *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia*. Ed. by Niklas Bernsand, Barbara Törnquist-Plewa. Leiden etc.: Brill, 2018. Pp. 85–104.

Miller A. Between Local and Interimperial: Russian Imperial History in Search for Scope and Paradigm // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. № 1. Pp. 5–19.

Omelicheva M. A New Russian Holiday Has More Behind It Than National Unity: the Political Functions of Historical Commemorations // *Australian Journal of Politics and History*. 2017. Т. 63. № 3. Pp. 430–442.

Paasi A. Place and region: Looking through the prism of scale // *Progress in human geography*. 2004. Т. 28. № 4. Pp. 536–546.

Smith K.E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. 240 p.

Sherlock T. Historical narratives in the Soviet Union and post-Soviet Russia: Destroying the settled past, creating an uncertain future. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 273 p.

Sherlock T. Russian politics and the Soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin // *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Т. 49. № 1. Pp. 45–59.

REFERENCES

Bederson V.D. V poiskakh geroev: raznoobrazie personalistskikh identifikatorov i politika identichnosti v regionakh sovremennoi Rossii [In Search of Heroes: Diversity of Personalist Identifiers and Identity Politics in the Regions of Modern Russia], in *Simvolicheskaya politika. Vyp. 3. Politicheskie funktsii mifov* [Symbolic Politics. Is. 3. Political functions of myths]. Moscow: INION RAN, 2015. Pp. 192–209 (in Russian).

Bez sroka davnosti [No statute of limitations]. Available at: <https://bezrokadavnosti.rf/> (accessed 19 December 2021).

Bolgarskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik [Bulgarian State Historical and Architectural Museum-Reserve]. Available at: <https://vbolgar.ru/> (accessed 19 June 2021).

Gagkuev R.G. Uchebniki history. Vzgl'yad cherez Federal'nyi perechen' uchebnikov [History textbooks. A Look Through the Federal List of Textbooks], in *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom* [Teaching Military History in Russia and Abroad]. Is. 4. Ed. by K.A. Pakhalyuka. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. Pp. 7–27 (in Russian).

Eremeeva S.A. *Pamyat'. Pole bitvy or pole zhatvy?* [Memory. Battlefield or Harvest Field?]. Moscow: Delo, 2021. Pp. 122–124 (in Russian).

Efremova V.N. Den' narodnogo edinstva: izobretenie prazdnika [National Unity Day: the invention of a holiday], in *Simvolicheskaya politika. Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs* [Symbolic Politics. Is. 1: Constructing ideas about the past as a power resource]. Moscow: INION RAN, 2012. Pp. 286–300 (in Russian).

Kiting M. Novyi regionalizm v Evrope [New Regionalism in Europe], in *Logos*. 2003. No. 6. Pp. 67–116 (in Russian).

Kolonitskii B.I. Resursy kul'turnoi pamyati i politika pamyati o Pervoi mirovoi voine v Rossii [Resources of cultural memory and the policy of memory of the First World War in Russia], in *Cahiers du monde russe*. 2017. Vol. 58. No. 1–2. Pp. 1–23 (in Russian).

Koposov N.E. *Pamyat' strogogo regime. Istoriya i politika v Rossii* [Strict mode memory. History and politics in Russia]. Moscow: NLO, 2011. 315 p. (in Russian).

Lapin V.V. Rossiiskoe istoricheskoe obshchestvo (RIO) i Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo (RVIO) kak instrumenty istoricheskoi politiki pervoi chetverti XXI century [The Russian Historical Society (RIO) and the Russian Military Historical Society (RVIO) as Instruments of Historical Policy in the First Quarter of the 21st Century], in *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy: kollektivnaya monografiya* [The Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Ed. by A.I. Miller, D.V. Efremenko. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2020. Pp. 74–95 (in Russian).

Lipman M.A. Panteon natsional'nykh heroev as element simvolicheskoi politiki. Monumental'nye praktiki postsovetskoi Rossii [Pantheon of national heroes as an element of symbolic politics. Monumental practices of post-Soviet Russia], in *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope: sbornik statei* [Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe]. Ed. by V.V. Lapin, A.I. Miller. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2021. Pp. 38–64 (in Russian).

Malinova O.Yu. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [Current Past: The Symbolic Politics of the Power Elite and the Dilemmas of Russian Identity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 206 p. (in Russian).

Malinova O.Yu. Ofitsial'nyi istoricheskii narrativ kak element politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-kh k 2010-m godam [Official historical narrative as an element of identity politics in Russia: from the 1990s to the 2010s], in *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2016. No. 6. Pp. 139–158 (in Russian).

Malinova O.Yu. Kommemoratsiya istoricheskikh sobytii kak instrument simvolicheskoi politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: the possibilities of comparative analysis], in *Politiya*. 2017. No. 4. Pp. 6–22 (in Russian).

Malinova O.Yu. Kto i kak formiruet ofitsial'nyi istoricheskii narrativ: Analiz rossiiskikh praktik [Who Forms the Official Historical Narrative and How: An Analysis of Russian Practices], in *Politiya*. 2019. No. 3. Pp. 103–126 (in Russian).

Miller A.I. Tema Tsentral'noi Evropy: istoriya, sovremennye diskursy i mesto v nikh Rossii [The theme of Central Europe: history, modern discourses and Russia's place in them], in *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 6. 2001. Pp. 18–33 (in Russian).

Miller A.I. Politika pamyati v Rossii: God razrushennykh nadezhd [The Politics of Memory in Russia: A Year of Shattered Hopes], in *Politiya*. 2014. No. 4(75). Pp. 49–57 (in Russian).

Miller A.I. Istoricheskaya politika v Russia: novyi povorot? [Historical politics in Russia: a new turn?], in *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical policy in the XXI century]. Ed. by A. Miller, M. Lipman. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. Pp. 328–367 (in Russian).

Miller A.I. Vvedenie. Bolshie izmeneniya. Chto novogo v politike pamyati i v ee izuchenii? [Introduction. Big changes. What's new in the politics of memory and in its study?], in *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy* [Politics of memory in modern Russia and countries of Eastern Europe]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2020. Pp. 8–25 (in Russian).

Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati [Methodological issues of studying the politics of memory]. Ed. by A. Miller, D. Efremenko. Moscow: Nestor-Istoriya, 2018. Pp. 144–195 (in Russian).

Naryshkin S. Kogo učit istoriya. Vysshee istoricheskoe obrazovanie v sovremennykh usloviyakh: problemy i perspektivy [Who teaches history. Higher historical education in modern conditions: problems and prospects], in *Rodina*. 2021. 2 August. Available at: <https://rg.ru/2021/08/01/naryshkin-celiu-istoricheskoy-nauki-iavliaetsia-poisk-pervoprichin-socialnyh-iavlenij.html> (accessed 19 December 2021).

Pakhalyuk K.A. Kommemoratsiya 100-letiya Pervoi mirovoi voyny v Rossii: politicheskoe izmerenie [Commemoration of the 100th Anniversary of World War I in Russia: Political Dimension], in *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope* [Symbolic Aspects of the Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2021. Pp. 81–107.

Potseluev S.P. Sotsial'naya zabyvchivost' kak simvolicheskii resurs natsional'noi mobilizatsii (kontseptual'nyi analiz) [Social forgetfulness as a symbolic resource of national mobilization (conceptual analysis)], in *Politicheskaya nauka*. 2020. No. 2. Pp. 42–63.

President Rossii [President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/> (accessed 19 December 2021).

Sud v pervye priznal genotsid sovetskogo naroda natsistami v Zhestyanoi Gorke [The court for the first time recognized the genocide of the Soviet people by the Nazis in Zhestyanaya Gorka], in *Izvestiya*. October 27, 2020 Available at: <https://iz.ru/1079155/2020-10-27/sud-vpervye-priznal-genotsid-sovetskogo-naroda-natsistami-v-zhestianoi-gorke> (accessed 19 December 2021).

Shenk F.B. Mental'nye karty: konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva v Evrope ot epokhi Prosveshcheniya do nashikh dnei. Obzor literatury [Mental maps: the construction

- of geographic space in Europe from the Enlightenment to the present day. *Literature Review*], in *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001. No. 52. Pp. 42–61.
- Etkind A. *Krivoie gore: Pamyat' o nepogrebennykh* [Crooked Mountain: Memory of the Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. Pp. 221–246.
- Bogumil Z., Moran D., Harrowwell E. Sacred or Secular? “Memorial”, the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions, in *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 19. No. 67(9). Pp. 1416–1444.
- Etkind A. Hard and Soft in Cultural Memory: Political Mourning in Russia and Germany, in *Grey Room*. 2004. No. 16. Pp. 36–59.
- Feindt G. et al. Entangled memory: toward a third wave in memory studies, in *History and Theory*. 2014. Vol. 53. No. 1. Pp. 24–44.
- Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994. 228 p.
- Kaplan V. The Vicissitudes of Socialism in Russian History Textbooks, in *History & Memory*. 2009. Vol. 21. No. 2. Pp. 83–109.
- Khapaeva D. Historical Memory in Post-Soviet Gothic Society, in *Social Research*. 2009. Vol. 76. No. 1. Pp. 359–394.
- Malinova O. Constructing the “Usable Past”: the Evolution of the Official Historical Narrative in Post-Soviet Russia, in *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia*. Ed. by Niklas Bernsand, Barbara Törnquist-Plewa. Leiden etc.: Brill, 2018. Pp. 85–104.
- Miller A. Between Local and Interimperial: Russian Imperial History in Search for Scope and Paradigm, in *Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. No. 1. Pp. 5–19.
- Omelicheva M. A New Russian Holiday Has more behind it Than National Unity: the Political Functions of Historical Commemorations, in *Australian Journal of Politics and History*. 2017. Vol. 63. No. 3. Pp. 430–442.
- Paasi A. Place and region: Looking through the prism of scale, in *Progress in human geography*. 2004. Vol. 28. No. 4. Pp. 536–546.
- Smith K.E. *Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. 240 p.
- Sherlock T. *Historical narratives in the Soviet Union and post-Soviet Russia: Destroying the settled past, creating an uncertain future*. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 273 p.
- Sherlock T. Russian politics and the Soviet past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin, in *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Vol. 49. No. 1. Pp. 45–59.

Статья принята к публикации 20.03.2022